

К ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО ФЛОТА: МАТРОСЫ-«ЗАМОРЯНЕ» ПРИ ПЕТРЕ ВЕЛИКОМ

В период Петровских реформ в русскую литературу и народное сознание вошел навеянный реалиями новой эпохи образ храброго российского матроса, который благодаря безупречной службе, овладению морскими науками, находчивости и смекалке продвигается на высшие ступени социальной лестницы. Именно таков главный герой сложившейся в 10—20-е гг. XVIII в. «Истории о российском матросе Василии Кориотском и о прекрасной королевне Ираклии Флоренской земли»¹.

Вкратце сюжет этой повести заключается в следующем. Бедный дворянин Василий Иванов сын Кориотский по своему желанию и отцовскому благословению записывается в матросы в Санкт-Петербурге. Какой-то срок он служит там «по обыкновению матросскому» на корабле, изучает морское дело так, что «слава об нем велика прошла за ево науку и услугу, понеже он знал в науках матросских велико остро». По его просьбе он вместе с другими матросами был послан «за моря в Голландию для наук арифметических и разных языков». Поставленный там на постой в дом богатого купца, Василий сумел заслужить его любовь послушанием и знаниями «в науках». Совершив удачные плавания в Англию и Францию, он сделал купцу такой «великой прибыток (...) что оной гость никогда такого прибытка не видал». Во время своего третьего плавания на пути в Россию его корабль попал в страшную бурю, все спутники В. Кориотского погибли, но он «Божиею помощию (...) на доске корабельной» выплыл к острову — обители морских разбойников. После многих приключений матрос Василий получает огромное богатство, женится на вызволенной им из разбойничьего логова прекрасной дочери короля Флоренции, потом и сам становится королем².

Повесть о российском матросе Василии ярко передает дух эпохи, романтику морской службы, заморских плаваний, устремления и мечты рядовых людей, вовлеченных в процесс преобразований. О служивших с целью обучения в европейских флотах при Петре I русских навигаторах и гардемаринах существует немалая историография³. В данном сообщении будет рассмотрен вопрос о другой группе россиян, проходивших в тот же период службу в иностранных флотах, — так называемых матросах-«заморянах»⁴, о которых специальных работ в исторической литературе нет. «Заморянами» («заморенями») именовались в Петровском флоте моряки нижних чинов, обучившиеся «матросской науке» за рубежом. Как складывалась их служба, какова была судьба по возвращении на родину, в чем состояли реальные итоги практики отправок матросов для обучения за границу?

Россияне начали посылать в иностранные флоты для изучения «матросской науки» одновременно с рождением регулярного флота. В 1696 г. по распоряжению Петра I вместо нанятых в Архангельске 38 иноземных моряков⁵ 40 русских добровольцев, в основном из Холмогор, Архангельска и окрестных поморских деревень были отправлены в Голландию. Им было велено «своею охотою учитьца морскому делу и признаватца карабельным снастям» и дано на путь на купеческих судах до Амстердама по 2,5 рубля казенных денег каждому⁶. Но этот опыт отправки людей «простых пород» для службы в голландский флот оказался неудачным. В 1698 г. к российским великим послам в Амстердаме явились 20 из 40 отправленных человек и заявили, что их всех по прибытии в Голландию «неволею» зачислили солдатами в сухопутные войска. Во время войны с Францией они участвовали в осаде города Намюра, а после окончания военных действий были «отпущены на волю»⁷.

Вступление России в августе 1700 г. в войну с сильной морской державой Швецией, шаткость мирных отношений с Турцией, желавшей вытеснить Россию с берегов Азовского моря и уничтожить базировавшийся в Таганроге молодой российский флот, обусловили необходимость укрепления военно-морских сил страны, в том числе и подготовку для них хорошо обученных отечественных кадров низших морских чинов: матросов, боцманматов, боцманов и др. Нужда эта стала особенно острой после возвращения Россией весной 1703 г. выхода в Финский залив и с началом строительства нового флота на Балтике. Летом

* Кротов Павел Александрович, кандидат исторических наук, доцент Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена.

1702 г. глава Адмиралтейского приказа Ф. М. Апраксин писал Петру I из Азова: «... караблей, милостью Божиею, множитца, а афицеров и матрозов малитца. Естли так будет, бес прибавки, ничаво добра зделать невозможно». Матросы-иноземцы, у которых истекли сроки контрактов, «со слезами» докучали Ф. М. Апраксину просьбами об отъезде на родину⁸. По словам главы адмиралтейского ведомства, весной того же года он смог вывести в Азовское море не все корабли прежде всего «за малолюдством матрозов»⁹. Не лучше было и положение на Балтийском флоте. В сентябре 1704 г. Петр I писал с базовой верфи Балтийского флота в Лодейном Поле ингерманландскому губернатору А. Д. Меншикову: «Для Бога (...) потщитесь (...) о приборе матрозов: всего их здесь и з двесте не будет»¹⁰. Острая нужда была не в новонабранных ректурах, но в матросах, хорошо знавших свое дело. В 1705 г. английский посланник в России Ч. Уитворт сообщал в Лондон, что в русском Черноморском (Азовском) флоте имеется «на каждом судне не более трех сведущих матросов, остальной же экипаж состоит из русских, еще не обучившихся морскому делу»¹¹.

Петр I старался решить этот насущный вопрос. Одним из путей для этого являлась посылка русских матросов для обучения на кораблях иностранных флотов. В записной книжке царя 1701—1702 гг. есть помета: «Чтоб дать всякому карабелшику по два человека»¹². По-видимому, имелось в виду отправление на каждом из приходивших в Архангельск купеческих судов по 2 матроса-россиянина для практики. В осуществление этого замысла матросы посылались из Архангельска за море уже в 1701 г.¹³ В 1702 г. в Архангельск были присланы 150 матросов «из новоприборных русских солдатских детей и иных чинов и недорослей» для последующего отъезда на купеческих судах в Голландию с целью «учения немецкого и голландского языков, матроского чина против заморского обыковения». Указ об их посылке Петр I дал 12 августа 1702 г., находясь на Соловецких островах, накануне известного его перехода с гвардейскими полками по Осударевой дороге с Белого моря на Онежское озеро, в результате которого осенью того же года Россия возвратила крепость Орешек в истоке Невы — ключ к Балтийскому морю. Присмотр за матросами в Голландии должен был осуществлять направлявшийся туда же вице-адмирал русской службы голландец К. Крюйс. Каждому из посылаемых давалось на проезд до Амстердама по 4 рубля и по 10 аршин белого холста для пошива рубашек «немецкого» покроя. К. Крюйс обязывался по прибытии в Амстердам «тех матросов, собрав с кораблей, велеть того матроского чина учить в пристойных местах, где возможно, с присмотром и с прилежным ранием»¹⁴. Эти 150 «молодых матросов» пошли в Голландию на торговых судах в сентябре того же года¹⁵.

Из 150 матросов, согласно ведомости конца 1703 г., лишь 68 были распределены на корабли для прохождения морской практики: 30 были отправлены в Ост-Индию, 25 служили на военных кораблях, 3 «поехали» в Смирну, 2 — в Ливорно, 2 — к Шпицбергену и т. д. Для обучения в голландских школах К. Крюйс отобрал 35 человек¹⁶. Летом 1703 г. вице-адмирал вынужден был 52 человека из числа прибывших с ним матросов возвратить обратно в Архангельск по причине того, что они «еще гораздо молоды и малы»¹⁷. В 1705 г. вернулись в Архангельск и обучавшиеся в Амстердаме читать и писать по-голландски 25 молодых матросов-холмогорцев, отправленных в 1702 г. с К. Крюйсом. Летом того же года 22 из них, не владевшие русской грамотой, начали учиться в школе в Москве¹⁸.

Поначалу Петр I полагал осуществлять подготовку опытных в морском деле матросов в основном за границей. В конце 1702—1703 г. посол в Голландии А. А. Матвеев и вице-адмирал К. Крюйс усердно хлопотали в Амстердаме о получении согласия тамошнего Адмиралтейства принять на голландские корабли в качестве матросов 4000 молодых россиян. Договоренность о приеме голландцами 1000 русских матросов была достигнута 2 февраля 1704 г. За корабельную службу россияне должны были получать от голландцев матросское жалованье¹⁹. Однако собственноручно написанное (скорее всего, весной 1704 г.) распоряжение царя А. Д. Меншикову: «Min Нег. Как сие писмо получишь, извол набрать тысячу человек от 25 до петнатцати (лет. — П. К.) добрых, которыя...» — осталось недописанным²⁰. Петр I решил отказаться от своего намерения.

Относительно общего количества матросов-«заморян» имеется свидетельство хорошо осведомленного современника князя Б. И. Куракина, содержащееся в одной из его записок (по мнению С. Ф. Платонова, не ранее 1709 г.): «По приезде (в 1698 г. из путешествия с Великим посольством по зарубежной Европе. — П. К.), его в[еличество] отправил в Голандию и в Англию про[ст]ого народу мотроскому делу учитца с треста человек, которые путь свой брали на море лет по пяти и назат возвращались, и так доныне в том контенуация (продолжение. — П. К.) идет, и положено по несколько человек отправлять по вся годы»²¹.

Опыт мореходства в первые годы XVIII в. матросов-«заморян», в подавляющем большинстве происходивших из «простого народу», в определенной мере подготовил развившуюся с 1706 г. практику отправления выпускников основанной в 1701 г. в Москве Навигацкой школы для обучения в другие

европейские флоты и с той же целью посылку в 1716 г. 60 российских дворян-гардемаринов в Англию, Францию и Венецию (потом Испанию). На вопрос направленного в июле 1708 г. в Амстердам для наблюдения за российскими навигаторами князя И. Б. Львова, каким образом обучаться его подопечным голландскому или английскому языкам, Петр I ответил, ссылаясь именно на пример службы матросов-«заморян»: «Как матрозы руские выучились, таким образом и оным учитца»²².

О том, как проходила служба матросов-«заморян», можно судить по их сказкам о пребывании за границей, данным по возвращении на родину. В фонде Адмиралтейской канцелярии Российского государственного архива Военно-Морского флота отложились сказки 27 «заморян», которые явились в С.-Петербурге к генерал-адмиралу Ф. М. Апраксину в ноябре 1707 г.²³

Приведем рассказ одного из опрошенных в Адмиралтейской канцелярии как любопытный образец изложения самим матросом истории своих заграничных плаваний. «Петр Буланов сказал. В прошлом 703-м году послан он от города Архангельского в Аглинскую землю на аглинском торговом карабле у капитана Яна Меэра для матрожской науки. И шли они морем. И не дошли аглинскому валу, и нашли на них на воинском карабле французеня. И взяли их с караблем в полон и повели в свою Французскую землю на Дуикерк. И, не доходя до берегу, французской их карабль погодою розбило. А он на карабелных досках приплыл на галанской вал. И пришли в Амстрадам к виц-адмиралу Корнилиусу Крейсу. И виц-адмирал на воинском карабле у капитана Дыка Тинса послал ево круйсом в Дацкую землю. И из Дацкой земли пришел в Амстрадам. А из Амстрадама на Вест-Ин[ди]ю на Шпанское море, и были дватцать два месяца. А из Амстрадама послан он к городу Архангелскому на галанском торговом карабле у капитана Ян Отмер. А от Города послан в Санкт-Петерзбурк»²⁴. В российском флоте бывалый «заморянин» П. Буланов к 1716 г. дослужился до унтер-офицерского чина боцманмата, а в 1723 г. стал боцманом²⁵.

Богатая морская практика была и у посланного из Воронежа одним из первых, еще в 1701 г., «для матроской науки» в Лондон дворянина К. И. Гольцова, который все время прослужил «в той Аглинской земли в матрозах». Сначала он в течение 8 месяцев находился в плавании на адмиральском карабле в эскадре британского флота в Атлантическом океане («Шпанском море»). 12 октября 1702 г. он участвовал на стороне англичан и голландцев в сражении с франко-испанским флотом у города Виго на Атлантическом побережье, когда, по его словам, «у того города Виги збили ис пушек башни и пожгли многа караблей». К. И. Гольцов не преминул отметить размах действий флотов у Виго: «А в том аглинском флоте было со сто с пятьдесят караблей». Сражение, действительно, было масштабным, завершилось полной победой англичан и голландцев: ни один карабль франко-испанского флота не уцелел, потери французов и испанцев составляли около 2 тыс. убитыми и ранеными, их противники потеряли 300 человек убитыми и 500 ранеными²⁶. Семь месяцев провел Гольцов в этом морском походе. По возвращении в Лондон он ушел с эскадрой военных караблей для защиты торгового судоходства «в Ораббскую землю», по-видимому, в Средиземное море, откуда плавал в Вест-Индию, участвовал в морском бое с французами. Это плавание длилось 22 месяца. Вернувшись в Лондон, К. И. Гольцов еще несколько лет ходил по морям на различных караблях, после чего являвшийся агентом России английский купец А. Р. Стейльс отправил его на британском торговом судне в Архангельск. К. И. Гольцов был грамотным и собственноручно заверил свои показания: «К сей скаске Клементеи Голцову приложил»²⁷.

Почти все «заморяне» (22 из 27 чел.) упомянули в своих сказках об участии в ходе Войны за испанское наследство (1701—1714 гг.) в сражениях, боях или стычках на море, штурмах приморских крепостей в составе английского либо голландского флотов. Двое из них пострадали во время боевых действий: И. Иванов в бою с французским фрегатом потерял левый глаз; Г. Блохин в ночной стычке с французскими караблями был ранен в ногу, которая после продолжительного лечения была ампутирована («оттерта пилою до колена») в одной из больниц Лондона.

Одиннадцать из 27 «заморян» побывали в плену у французов, причем Е. Третьяков — дважды. Первый раз он был пленен в Средиземном море на гамбургском торговом карабле, который возвращался из Ливорно и Венеции. Французы держали его «в полону» две недели в порту Тулон, откуда сухим путем, преодолев не менее тысячи верст, он добрался до Амстердама. Во второй раз его карабль был перехвачен французскими каперами на пути из Лиссабона в Англию и приведен в Брест, откуда после освобождения он снова вернулся по суше в Амстердам. Подобные приключения имели и другие «заморяне».

Трое матросов-«заморян» сказали, что им довелось пережить кораблекрушения. Е. Самарин так описал крушение, произошедшее в первое же его плавание в 1703 г. на торговом судне А. Р. Стейльса: «И на море (...) тот карабль с товаром и людми взяли бы[ло] французы в полон и повели к своей стороне. И в ночи прибило их ветром к галанской стороне близ Амстердама, и на мели тот карабль

розбило, едва они могли уйтить, и пришли в Амстердам к вице-адмиралу Крейсу». В том же морском переплете вместе с Е. Самарным побывал и матрос И. Л. Краевский.

География морских плаваний матросов-«заморян» была обширна. Их сказки 1707 г. вполне подтверждают слова князя Б. И. Куракина, отметившего, что посланные в 1703—1704 гг. учиться из России в Голландию матросы «оттуль ездили в Индию, в Турки, в Ост-Индию и в другия государства, по всему свету рассеяны были»²⁸. Любопытно, что трое матросов в 1705 г. были «посланы за море на стрепком» (итальянском) корабле «Зеленый драк[он]» из Архангельска «для учения» не в Голландию или Англию, а «во Италианскую землю»²⁹.

Пребывание матросов-«заморян» в иностранных флотах иногда надолго затягивалось. А. Попов был отправлен «за море» из Воронежа в 1702 г., вернулся же в Архангельск только в 1713 г. Матроса С. Голенищева, выехавшего из Архангельска в 1702 г., «взял (...) из Датской земли» капитан И. А. Сенявин, который находился там с кораблем «Архангел Рафаил», лишь в 1714 г. Отправленный из Архангельска «для науки за море» в 1704 г. Н. Трофимов прибыл в Петербург спустя 10 лет, в 1714 г., и т. д.³⁰ Подмастерье корабельного дела Ф. С. Салтыков, находившийся в Англии для закупки военных кораблей для Балтийского флота, доносил генерал-адмиралу Ф. М. Апраксину из Лондона 26 марта 1714 г. об объективных трудностях, препятствовавших многим матросам-«заморянам» возвратиться в Россию: «... многия матросы руския приходят ко мне и просят, дабы отправлены были в отечество свое, зане по нескольких летех практику изрядно обучили и, почитай, свое дело некоторые из них лутше аглинских матросов знают (...) а оныя матроси присланы были для обучения в здешное государство к господину Томосу Стелсу (брат А. Р. Стейльса. — П. К.) с Москвы и от города Архангелскаго, и когда оне не имеют себе отправления в отечество, то паки розъезжаются в розныя места для своего препитания»³¹.

Помимо отправок матросов для обучения за границу по инициативе правительства, в Петровское время случались и факты самостоятельного отъезда русских матросов для службы в иностранных флотах. Например, в 1712—1713 гг. в Архангельск вернулись несколько матросов, выехавших оттуда «за море собою» в 1708 и 1710 гг. С учетом нехватки опытных моряков для укомплектования команд трех построенных в 1713 г. у Архангельска и готовившихся к отплытию на Балтийское море 52-пушечных кораблей, они не только были оставлены без наказания, но и пожалованы высокими трехрублевыми месячными окладами³². Отрицательно отзывался о подобном матросском «отходничестве» российский резидент в Амстердаме И. Фан ден Бург, писавший в 1724 г. в Адмиралтейскую коллегия следующе: «Являются здесь росиские матрозы от города Архангелскаго (...) и пристают к душепродавцам, которые их, подговоря, отдают в поездки ост- и вест-индейские. И ныне в своеволствии обжились так, что временем ничего при себе не имеют и мотают жестоко, что не надеюсь оным в Росию паки возвратитися. И как оных сыскивать, способу не знаю»³³.

Возвращавшиеся в Россию матросы-«заморяне» были очень нужны во флоте, поскольку положение с наличием обученных рядовых и унтер-офицерских чинов продолжало оставаться весьма острым. В силу необходимости эта проблема решалась тогда во многом за счет найма за рубежом иностранных моряков. На 1 января 1708 г. в Балтийском корабельном флоте из общего числа матросов в 631 чел. доля малоопытных матросов 3-й статьи составляла 50% (313 русских и 1 иноземец с окладом матроса 3-й статьи), 13% (81 чел.) составляли новонабранные в матросы рекруты, прибывшие в Петербург в апреле 1707 г. — итого почти две трети матросов флота имели самый небольшой опыт морской службы. Матросов 2-й статьи во флоте тогда было немного — 12% (77 чел.). К опытным матросским кадрам можно было отнести 13 матросов из служивших долгое время во флоте солдат Преображенского полка, 40 «заморян», 37 матросов 1-й статьи — всего 90 человек, или 14%, и 69 иноземных матросов — 11%. Потребность в опытных рядовых чинах была столь велика, что среди матросов-иноземцев 23 человека являлись принятыми на службу в российский флот пленными шведскими матросами³⁴.

На 1 января 1708 г. в унтер-офицерских чинах Балтийского корабельного флота россиян было очень мало: лишь один боцман — будущий контр-адмирал И. А. Сенявин (тогда как боцманов-иностранцев — 30), один боцманмат — будущий знаменитый флотоводец вице-адмирал Н. А. Сенявин (иностранцев — 44). Иноземцами являлись все штурманы (6), констапели (2), подконстапель. Только лишь среди подштурманов россиян было больше, чем иностранцев — соответственно 17 и 8³⁵.

О значении нижних чинов — «заморян» во флоте говорит, в частности, такой факт, что на протяжении всего правления Петра I они обычно показывались в списках личного состава отдельно («из заморян», «заморене», «матрозы, которые были за морем», «русские заморские боцманматы», «боцманматы, которые были за морем»).

Из 27 явившихся к Ф. М. Апраксину в ноябре 1707 г. матросов-«заморян» двое (К. И. Гольцов и Я. Голоперов), бывшие в заморской «науке» шесть полных лет, и 9 матросов (И. Гарасимов, Д. Забалуй,

И. Иванов, С. Леднев, М. Перепелкин, Ф. А. Рамзаев, Е. Третьяков, Т. Чиков и И. Шелуханов), служившие за морем по 5 лет, получили оклады по 3 рубля в месяц; 8 человек, прослужившие на чужбине по 4 года, — по 2,5 рубля; 8 матросов, практиковавшиеся в европейских флотах по 3 года, — по 2 рубля, а матрос-«заморянин» Г. Блохин, пробывший за границей 4 года, — лишь 2 рубля с тем обоснованием, что «он без ноги»³⁵.

Согласно списку личного состава, на 1 января 1708 г. в Балтийском корабельном флоте служили 40 матросов-«заморян», из которых 6 имели оклад по 5 руб. ежемесячно, 13 — по 3 руб., 7 — по 2,5 руб., 9 — по 2 руб., 1 — по 6 коп. ежедневно (20,9 руб. в год), 4 — по 1 руб.³⁷ Оклады же обычных матросов равнялись: для 1-й статьи — 2 руб. в месяц, для 2-й статьи — 1,5 руб., для 3-й статьи — 1 руб. Таким образом, у 26 из 40 «заморян» оклады были больше, чем у матросов 1-й статьи. Размер жалования «заморянам» устанавливался, исходя из сроков их службы в иноземных флотах, с учетом приобретенных знаний и навыков.

Получившие богатый опыт мореходства, испытавшие опасности морских сражений, видевшие бескрайние океанские просторы, различные города и страны, людей разных рас и культур, диковую природу, получившие речевые навыки в голландском или английском языках, матросы-«заморяне», естественно, становились в среде российских моряков примером для подражания. В июле 1706 г. матросы М. Карачинский, Ф. Осипов, И. Печеников и конопатчик М. Яковлев обратились с таким показательным для отношения к «заморянам» прошением на имя Петра I: «Служим мы тебе, великому государю, в матросах седьмой год, а морского ходу мы не знаем, только знаем корабельной оснастки малое число; и для науки морского ходу и корабельной оснастки вели, государь, нас отпустить для науки за море, чтоб нам спознать морскому ходу и корабельную оснастку и научиться немецкому языку, как и наши братья, русские матросы, которые были за морем по твоему, великого государя, указу, и они морской ход, и корабельную оснастку, и немецкий (голландский. — П. К.) язык знают»³⁸.

Насколько высоко удалось продвинуться матросам-«заморянам» по служебной лестнице в Петровском флоте? Изучение списков личного состава 1708—1735 гг. и других документов показало, что только двое из них — К. И. Гольцов и С. Шелманов (Шелмаев, Скельманов) — сумели достичь обер-офицерских чинов, дававших, согласно 15-му пункту Табели о рангах 1722 г., права потомственного дворянства. В списках 1715—1735 гг. К. И. Гольцов назван шкипером (чин 12 класса). С. Шелманов в 1715 г. был боцманом, в 1723—1735 гг. — шкипером³⁹. Остальные «заморяне» в 1710—1730-х гг. служили в унтер-офицерских чинах боцманов, боцманматов, шхиманов, шхиманматов, квартирмейстеров или по-прежнему были матросами⁴⁰.

Причиной того, что «заморяне», за редким исключением, оставались в рядовых и унтер-офицерских чинах, было их происхождение — большинство из них были люди «простых пород». Во флоте Петра I, несмотря на официально закрепленное положение о продвижении по лестнице чинов в соответствии с личными заслугами не только дворян, но и моряков из простонародья, при производстве в обер-офицерские чины по-прежнему отдавалось негласное предпочтение дворянам, к тому же целая система мер ограничивала доступ выходцам из сословий «ниже шляхетства» к обер-офицерским чинам. В частности, одним из препятствий для служебного роста «заморян» стал указ царя от 20 марта 1713 г., которым повелевалось «российского народа морских служителей, не умеющих грамоте, из матросов выше квартирмейстеров и боцманматов (...) впредь ни в какой чин не повышать, дондеже обучатца грамоте»⁴¹. Грамотных же среди нижних чинов флота было мало. Из матросов-«заморян» Балтийского флота собственноручно заверить свои сказки и расписаться в получении жалованья в 1708 г. могли только пятеро, в том числе и достигший позднее обер-офицерского чина К. И. Гольцов⁴². Не умевший писать в 1708 г. С. Шелманов к 1720 г., когда его произвели из боцманов в шкиперы, также был уже грамотным⁴³. Но служивший в 1720 г. на одном из кораблей «за писаря из заморян» матрос М. И. Лужецкой и в 1723 г. оставался в том же чине⁴⁴, не стал он обер-офицером и позже. Получивший чин шкипера К. И. Гольцов и, возможно, С. Шелманов по своему сословному происхождению являлись дворянами⁴⁵.

Таким образом, в начальный период становления российского военно-морского флота матросы-«заморяне» сыграли важную роль, пополняя ряды наиболее опытных в морском деле матросов и унтер-офицеров. По мере достижения успехов в подготовке сведущих моряков непосредственно на кораблях отечественного флота, стремительно превращавшегося в один из сильнейших в Европе, практика отправки матросов с целью обучения в иноземные флоты все в большей степени сворачивалась. В изданной в 1717 г. книге подканцлер П. П. Шафиров так описал эпизод командования Петром I в 1716 г. у берегов Дании четырьмя европейскими флотами: «И хотя за чудо возможно было принять, ежели бы кто мог видеть единого из российского народа на море на кораблях плавающего, тако ныне видели его величе-

ство самого командующего свой российской флот, но и купно великобританской, дацкой и галанской флоты под его стандартом импералским на Балтийском море (...) и многие тысячи рядовых матрозов российского народа...» (подчеркнуто мной. — П. К.)⁴⁶.

Примечания

- ¹ Моисеева Г. Н. Русские повести первой трети XVIII века. М.; Л., 1965. С. 39—43, 56.
- ² Там же. С. 191—210.
- ³ Ниже перечислены наиболее важные работы: Устрялов Н. Г. О навигаторах и гардемаринах Петра Великого. 1707—1716//Торжественное собрание Императорской Академии наук 29-го декабря 1865 года. СПб., 1866. С. 63—74; Веселаго Ф. Ф. Очерк русской морской истории. СПб., 1875. С. 579—590; Рачинский А. В. Первые русские гардемарины за границей в XVIII столетии//Сборник Московского главного архива Министерства иностранных дел. Вып. 1. М., 1880. С. 177—205; Кротков А. С. Пребывание русских навигаторов за границей//Морской сборник. 1901. № 1. Неофиц. отд. С. 1—41; Соловьев А. В. Русские навигаторы XVII века среди южных славян//Юбилейный сборник Русского археологического общества в Королевстве Югославии. Белград, 1936. С. 291—301; Климанов Л. Г. Из истории российско-венецианских отношений: гардемарины из Петербурга на венецианском флоте в годы последней венецианско-турецкой войны (1717—1718 гг.)//Труды Всероссийской научной конференции «Когда Россия молодая мужала с гением Петра», посвященной 300-летию юбилею отечественного флота. Вып. 1. Переславль-Залесский, 1992. С. 59—68; Okenfuss M. J. Russian Students in Europe in the Age of Peter the Great//The Eighteenth Century Russia. Oxford, 1973. P. 131—145.
- ⁴ *Заморянин (заморенин)*: 1. тот, кто прибыл из-за моря; 2. иноземец.—Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 5. М., 1978. С. 244.
- ⁵ В их число входили парусный мастер, штурман, 4 боцмана и 32 матроса.—РГАДА, ф. 141, 1696 г., л. 288, л. 5—6.
- ⁶ Там же, ф. 150, оп. 1, 1698 г., л. 8, л. 6.
- ⁷ Там же, л. 8.
- ⁸ Письма и бумаги императора Петра Великого (далее — ПБПВ). Т. 2. СПб., 1889. С. 371.
- ⁹ Там же. С. 372.
- ¹⁰ Там же. Т. 3. СПб., 1893. С. 159.
- ¹¹ Сборник РИО. Т. 39. СПб., 1884. С. 60.
- ¹² ПБПВ. Т. 2. С. 313.
- ¹³ РГА ВМФ, ф. 176, оп. 1, д. 19, л. 1, 21 об.
- ¹⁴ Елагин С. И. История русского флота: Период азовский. СПб., 1864. Приложение. Ч. 2. С. 236.
- ¹⁵ РГАДА, ф. 329, оп. 1, д. 18, л. 1 об.; д. 20, л. 1.
- ¹⁶ Там же, д. 162, л. 1.
- ¹⁷ Елагин С. И. Указ. соч. Приложение. Ч. 2. С. 241, 256—257; РГАДА, ф. 329, оп. 1, д. 43, л. 5 об.—6; д. 49, л. 3 об.
- ¹⁸ РГА ВМФ, ф. 177, оп. 1, д. 50, л. 1501, 1503 об.—1504; д. 68, л. 291—292; Елагин С. И. Указ. соч. Приложение. Ч. 2. С. 244—245.
- ¹⁹ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 15. М., 1993. С. 46, 50; РГАДА, ф. 329, оп. 1, д. 78, л. 2; д. 81, л. 1—1 об.; д. 82, л. 1, 2 об., 7—8 об.
- ²⁰ Автограф письма-распоряжения Петра I обнаружен среди бумаг К. Крюйса 1704 г.: РГАДА, ф. 329, оп. 1, д. 82, л. 6. Даты нет.
- ²¹ Платонов С. Ф. Б. И. Куракин и А. П. Прозоровский (1697—1720)//Доклады Академии наук СССР, 1929. Сер. В. № 12. С. 237; Архив СПбФ ИРИ РАН, ф. 41, оп. 1, д. 259, л. 2.
- ²² ПБПВ. Т. 7, вып. 1. Пг., 1918. С. 122.
- ²³ РГА ВМФ, ф. 176, оп. 1, д. 19, л. 1—23.
- ²⁴ Там же, л. 6—7.
- ²⁵ Там же, ф. 212, оп. 1, д. 6, л. 14 об.
- ²⁶ The Journal of Sir George Rooke, Admiral of the Fleet 1700—1702//Publications of the Navy Records Society. Vol. 9. L., 1897. P. XLIV.
- ²⁷ РГА ВМФ, ф. 176, оп. 1, д. 19, л. 1—2.
- ²⁸ Архив князя Ф. А. Куракина. Кн. 1. СПб., 1890. С. 269.
- ²⁹ РГА ВМФ, ф. 177, оп. 1, д. 41, л. 42 об.
- ³⁰ Архив СПбФ ИРИ РАН, ф. 10, оп. 3, д. 716, л. 95; Елагин С. И. Указ. соч. Приложение. Ч. 2. С. 250.
- ³¹ Тиханов П. Н. Предисловие//«Пропозиции» Федора Салтыкова. СПб., [1891]. Приложение. С. XX.
- ³² Елагин С. И. Указ. соч. Приложение. Ч. 2. С. 251.
- ³³ РГА ВМФ, ф. 212, оп. 1724 г., д. 66, л. 252.
- ³⁴ Там же, ф. 176, оп. 1, д. 28, л. 15 об.—17 об., 19 об.—22 об., 24 об.—33 об., 79—80, 195—200.
- ³⁵ Там же, л. 9 об.—13 об., 15, 18—18 об.
- ³⁶ Там же, д. 19, л. 23—23 об.
- ³⁷ Там же, д. 28, л. 20, 21—22 об.; д. 24, ч. 3, л. 179 об.
- ³⁸ Елагин С. И. Указ. соч. Приложение. Ч. 2. С. 245—246.
- ³⁹ РГА ВМФ, ф. 212, оп. 1, д. 1, л. 18, 20; д. 13, л. 38 об., 39; д. 48, л. 16 об.
- ⁴⁰ Там же, д. 1, л. 20, 27 об.; д. 5, л. 75 об., 196 об., 278, 374, 485, 504 об., 525, 597 об., 611, 622, 629,

631 об., 659, 711, 714 об., 722, 724 об., 736, 738; д. 6, л. 6 об., 14 об.—28, 52; д. 9, л. 3—20 об.; д. 13, л. 51 об., 59—69 об., 211; д. 22, л. 72 об., 83 об.—104 об.; д. 33, л. 3; ф. 870, оп. 1, д. 43, л. 96.

⁴¹ К р о т о в П. А. Сословность в политике самодержавия по комплектованию личного состава военно-морского флота при Петре Великом//Сословия и государственная власть в России: XV — середина XIX в. Ч. 1. М., 1994. С. 258—261.

⁴² РГА ВМФ, ф. 176, оп. 1, д. 28, л. 195—200; д. 19, л. i—23.

⁴³ Там же, ф. 212, оп. 1720 г., д. 11, л. 309 об.

⁴⁴ Там же, оп. 1, д. 5, л. 736; д. 13, л. 211.

⁴⁵ Там же, д. 48, л. 16; оп. 1723 г., д. 33, л. 20 об.

⁴⁶ Ш а ф и р о в П. П. Разсуждение, какие законные причины... Петр Первый... к начатию войны против короля Карола XII Шведского 1700 году имел... СПб., 1717. С. 5.